

Ольга Дашкова

ОПЕКУН ГРЕХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дашкова

Опекун греха

<https://litres.ru/74492033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне 45, по бумаге я ее опекун.

Она живет в моем доме на ощупь: по голосу, по шагам, по теплу чужой ладони.

Не видит возраста. Не видит запрета.

Произносит мое имя так спокойно, словно оно всегда принадлежало ей.

Шесть месяцев – и по закону я должен отпустить ее.

Но до этого я должен удержать дистанцию,

Но пока я только удерживаю дыхание каждый раз, когда она проходит мимо.

Грех уже живет со мной под одной крышей.

Она – стала моим грехом, а я – ее опекун.

Содержание

Глава 1 Арианна	4
Глава 2 Лука	11
Глава 3 Лука	17
Глава 4 Арианна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Опекун греха

Глава 1 Арианна

День похорон пах мокрыми цветами и чужими духами.

Я стояла у края ямы и считала секунды между ударами комьев земли о крышку гроба. *Раз. Два. Три.* Голоса вокруг звучали приглушенно, словно кто-то накрыл мир тяжелым одеялом.

Кто-то плакал справа. Кто-то шептал слева, слишком близко к моему уху:

– Бедная девочка. Совсем одна.

Я не была бедной.

Я была пустой.

Папу забрали быстро. Сначала звонок адвоката, потом запах больничного антисептика, потом тишина, в которой его дыхание больше не занимало комнату.

Маму забрали гораздо раньше, в ту ночь, когда мне было семь, и мир навсегда стал черным. С тех пор я жила звуками. Шагами. Теплом. Голосами, которые можно было сложить в лицо, даже не видя его.

Сегодня голоса складывались в жалость. А жалость пахла фальшью.

– Синьорина Морелли.

Низкий, спокойный, чужой голос, он прозвучал чуть ле-

вее, на полшага ближе, чем вежливость позволяла незнакомцу. Повернула голову туда, откуда шло тепло тела.

– Да.

– Пора.

Ни «простите». Ни «если вы готовы». Просто факт, как приговор, который уже подписан. Тепло этого человека не коснулось меня, он только встал рядом, и воздух изменился.

Дорогой одеколон, табак, кожа перчаток, что-то горькое, как миндаль. Я запомнила его сразу, так запоминают момент, за которым больше не будет прежней жизни.

В машине было тихо, кожа сидений холодная, дворники мерили дождь ровными взмахами. Я держала на коленях сумку и считала повороты. Два налево. Длинный спуск. Запах моря стал сильнее, потом смешался с мокрым камнем и кипарисами.

– Сколько ехать? – спросила я.

– Еще двадцать минут.

Тот же низкий, ровный, без намека на жалость голос. За это я была ему почти благодарна.

– Вы Лука Валенти?

– Да.

– Отец говорил о вас один раз. Давно. Сказал, что вы умеете заканчивать то, что другие боятся начать.

Пауза, затем короткое, почти неслышное движение, мужчина поправил пиджак или перчатку.

– Ваш отец умел говорить красиво.

– А вы умеете говорить правду?

– Когда это выгодно.

– Тогда скажите правду сейчас. Зачем я вам? – я напряглась, следующая пауза была длиннее.

– Потому что он попросил. И потому что наследство вашей семьи не должно оказаться в чужих руках раньше срока.

Честно. Жестоко. Понятно.

– Через шесть месяцев я сама всем распоряжусь.

– Через шесть месяцев, – повторил он. – До тех пор вы под моей опекой.

Слово «опека» легло на язык как металл. Холодное, тяжелое, законное слово. Не обуза – опека.

– Мне восемнадцать.

– Знаю.

– Я не ребенок.

– Это мы еще посмотрим.

Я сжала пальцами ручку сумки, внутри вспыхнуло что-то горячее, похожее на злость. Она была живая, яркая, почти радостная. Значит, я не умерла вместе с отцом. Значит, я еще могу чувствовать.

Вилла, а это наверняка была роскошная вилла, встретила меня эхом под высокими потолками и каменным полом под каблуками. Где-то далеко часы отбивали четверть восьмого.

Пахло воском, старым деревом и морем, которое билось о скалы где-то внизу. Я остановилась в холле и вытянула руку. Пальцы нашли гладкую поверхность стола, его резной край,

холод мрамора.

– Могу я... пройти сама?

– Можете. Но сначала я проведу вас. Можно? – он не взял меня под локоть сразу, сначала спросил, я кивнула.

Пальцы мужчины крепко и горячо сомкнулись вокруг моего предплечья. Лука Валенти вел меня медленно, называя пространство вслух, будто читал карту для человека, у которого карты нет.

– Слева – лестница. Двенадцать ступеней, площадка, еще четырнадцать. Перила справа. Ваша комната на втором этаже, третья дверь по коридору. Ванная примыкает, окно выходит к морю. Ночью слышно маяк, если ветер с юга.

– Слышно маяк?

– Гудок. Редкий. Вы привыкнете.

Я запомнила тепло его ладони сильнее, чем расположение комнат.

Комната пахла чистым бельем и лавандой. Широкая кровать, тяжелые шторы. Я прошла вдоль стен, касаясь всего: рамы зеркала, которого не видела; спинки кресла; холодного стекла окна. За стеклом шумело ровное и безжалостное море, такое же, как в ночь, когда я потеряла мать.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил он от двери.

– Чтобы вы не жалели меня вслух.

Короткая тишина.

– Не собирался.

Дверь закрылась, ключ не повернулся. Это было первое

маленькое милосердие, мне давали свободу, но пойти все равно было некуда. Ночь пришла быстро.

Я лежала на слишком мягкой постели и слушала, это чувство слишком хорошо во мне развито, и я его не умею отключать. За окном ветка дерева стучала об окно, где-то капала вода. Далеко, очень далеко кто-то прошел тяжелым шагом.

Шаги Луки Валенти, я узнала их сразу. Неторопливые, уверенные шаги человека, который не крадется даже в собственном доме.

Темнота для зрячих – это отсутствие света.

Для меня темнота – это когда нечего слушать.

Встала, босые ноги нашли ковер, потом холодный паркет. Коридор пах мужским одеколоном сильнее, чем днем. Я шла, касаясь стены левой рукой, считая двери. Нашла кабинет на первом этаже по запаху виски и бумаги.

Дверь была не заперта, я постучала костяшками.

– Войдите.

Голос был не удивленный, или он хорошо прятал удивление.

– Я не могу спать, – собственный голос прозвучал тише, чем хотелось. – Здесь слишком тихо. В тишине темнота становится... плотной.

Кресло скрипнуло, мужчина встал. Шаги приблизились и остановились.

– Чего вы хотите, Арианна?

Мое имя в его рту прозвучало иначе, чем у всех. Мне по-

казалось, что тяжелее, словно он пробовал его на вес.

– Оставьте дверь в моей комнате приоткрытой.

– Это все? Вы могли сами ее открыть.

– Да, но вышло так, что я вас нашла. И... постройте рядом. Недолго, пока я не засну. Можно за порогом. Мне не нужно, чтобы вы говорили. Мне нужно знать, что в доме есть живой звук, а не только стук ветки и падающих капель.

Он молчал так долго, что я успела пожалеть о просьбе. Потом сказал ровно:

– Хорошо.

Провел меня обратно, снова назвал ступени, снова не сжал руку слишком сильно. У моей двери остановился.

– Ложитесь.

Я легла, чувствуя его присутствие кожей. Дверь осталась приоткрытой, он остался за ней. Я слышала его дыхание, слышала, как ткань пиджака чуть шевельнулась, когда он скрестил руки. Слышала его запах, от которого в груди становилось тесно.

– Вы будете стоять долго?

– Пока не уснете.

– А если я не усну?

Пауза.

– Тогда я все равно останусь.

Я закрыла глаза, хотя для меня это не меняло ничего. Просто жест, оставшийся от детства, когда мама еще пела в соседней комнате.

– Лука.

– Да.

– Можно я буду называть вас просто Лука?

– Можно.

– Вы пахнете так, будто никогда не опаздываете.

Тихий выдох, почти смешок, но без тепла.

– Спите, Арианна.

Я слушала, как он стоял за приоткрытой дверью. Минуту.

Пять. Десять. Дом больше не был мертвым. В нем появился якорь. Перед самым сном я подумала опасную вещь.

Что этот человек может стать моим новым способом видеть. И что он этого еще не знает. А я – уже почти хочу, чтобы узнал.

Глава 2 Лука

Я увидел ее раньше, чем она услышала меня.

На кладбище моросил мелкий дождь, цветы раскисали в руках чужих людей, священник говорил ровно и безжизненно, а я смотрел не на гроб. Я смотрел на девушку у края ямы.

На влагу на ее ресницах – невозможно было понять, дождь это или слезы. На бледные, слегка приоткрытые губы. На черное пальто, которое сидело на тонких плечах слишком взросло и слишком беззащитно сразу.

Мне было сорок пять. Между нами лежала почти целая жизнь. Когда она родилась, я уже хоронил людей и подписывал чужие приговоры. Когда она училась ходить по звуку, я уже был вдовцом с пустым домом и руками, которые умели только брать и удерживать.

Я стоял в трех шагах от свежей могилы ее отца и думал не о долге, не о завещании, не о шести месяцах опеки. Думал о том, что смотреть на нее *так* – уже преступление, а я все равно не отводил глаз.

В машине стало хуже.

Салон наполнился запахом дождя, мокрой шерсти и чем-то теплым, почти молочным, смешанным с цветочным мылом. Этот запах сел мне на язык так плотно, что я открыл окно не от духоты.

Она сидела ровно, держала сумку на коленях и считала по-

вороты тишиной своего тела. Я смотрел на ее профиль дольше, чем позволял себе смотреть на кого бы то ни было десять лет, и внутри уже поднимался знакомый, грязный жар.

Давил его сразу. Говорил себе: тебе хватит лет, чтобы быть ее отцом. Говорил: ты приехал забрать наследницу, а не рассматривать ее губы. Говорил: если ты сейчас протянешь руку и смахнешь каплю с ее щеки, ты перестанешь быть человеком, которому мертвый друг мог доверить дочь.

Руки остались на руле, а в сейфе у меня уже лежали бумаги. Если Арианна не продержится эти шесть месяцев под моей опекой и охраной, если с ней случится что-то достаточно удобное для нужных людей, состояние семьи уйдет не ей. Все состояние уйдет дяде, он этого хотел.

Я не сказал ей ни слова.

Слепой девочке, только что похоронившей отца, не нужно было знать, что ее жизнь теперь стоит дороже ее свободы. И мне не нужно было признаваться даже себе, что охранять ее тело от чужих рук будет проще, чем охранять собственные мысли.

Я сказал себе, что беру ее на виллу из расчета. К утру первой ночи это уже было ложью.

Она пришла ко мне в кабинет в тонкой майке и коротких шортах. Босая, с распущенными волосами, стояла на пороге так спокойно, будто не понимала, как выглядит в полумраке для мужчины, который два часа пил виски и пытался не вспоминать влагу на ее ресницах. Майка облегла грудь без

всякого умысла. Шорты оставляли слишком много кожи. Голос прозвучал тихо, когда она сказала, что в тишине темнота становится плотной.

Я должен был вызвать служанку, должен был дать ей радио. Должен был закрыть дверь и остаться тем, кем меня сделали годы: холодным, правильным, слишком взрослым для чужой невинности.

Вместо этого я видел линию ее ключиц, тонкие запястья, губы, которые в темноте казались еще мягче, и понимал, что тело мое уже выбрало раньше головы.

Сорок пять лет дисциплины не выдержали одной босой девочки в майке. Это бесило сильнее любой угрозы. Я прожил достаточно, чтобы знать цену желанию.

Знал, как оно гниет, если его взять. Знал, как оно гниет, если его не взять. И все равно стоял и смотрел на нее так, будто мне снова двадцать и я еще не научился себя ненавидеть за такие взгляды.

Провел ее обратно в комнату, оставил дверь приоткрытой и стоял за порогом, пока ее дыхание не выровнялось. Смотрел на полоску света на полу и думал, как легко переступить эту черту.

Думал и о другом: если я переступлю, я буду не опекуном. Я буду мужчиной, который воспользовался слепой сиротой в своем доме. Разница в возрасте не исчезнет от того, что она сама пришла.

Она не видит моего лица. Не видит морщин у глаз, седины

на висках, того, как давно я живу в мире, куда ей нельзя. Она слышит только голос. А голос умеет врать лучше, чем кожа.

Два месяца спустя я уже ревновал ее к собственному дому.

Ревновал к перилам, которые она гладила ладонью, спускаясь к завтраку. Ревновал к молодому водителю Марко, у которого слишком мягкий голос и привычка говорить: «Синьорина, дайте руку».

Ему двадцать шесть, между ними не провал в поколение, они почти ровесники на вид. Когда он касался ее локтя у ступенек сада, у меня в висках стучало так, будто кто-то чужой уже имеет право на то, на что не имею я.

И самое мерзкое было не в ревности. Самое мерзкое было в мысли: он подходит ей по годам. Ты – нет.

Ревновал к повару, который наклонялся слишком близко, объясняя, где стоит соль, и называл ее сияющей, пока я не оборвал его так резко, что на кухне повисла тишина.

Ревновал даже к креслу в библиотеке. Она клала на подлокотник щеку, слушая книги, и пальцы двигались по дереву медленно, почти ласково. Мне хотелось быть этим деревом с такой силой, что становилось тошно от самого себя.

Я одергивал себя по десять раз на дню.

Тебе сорок пять.

Ты ее опекун.

Она не знает, что на нее открыта охота. Ты не имеешь права ни на ее губы, ни на ее слепоту, ни на то, как она произ-

носит твое имя.

Когда тебе было столько, сколько ей сейчас, она еще не родилась. Ты видел смерть раньше, чем она увидела свет. Ты не имеешь права хотеть ее тепло, ее запах, ее пальцы на своем лице.

Это не страсть. Это падение человека, которому уже нельзя оправдываться молодостью. Повторение не помогало. Оно только делало голод тише и гуще.

По ночам я стоял у ее двери и слушал, как она дышит, и ненавидел себя за то, что считаю чужие вдохи. Вспоминал жену – редко, коротко, как удар. Ее уже много лет не было.

Детей не было. Дом был пуст достаточно долго, чтобы я привык к пустоте как к норме. Арианна заполнила эту пустоту так, будто ей и не нужно было зрение: шагами, голосом, запахом моего мыла на своей коже.

Я ловил себя на том, что ищу ее в комнатах раньше, чем успеваю назвать это работой опекуна. И каждый раз, находя, думал одно и то же: уйди. Отступи. Ты слишком стар, чтобы стоять так близко к чужому началу жизни.

Она носила мои рубашки, находя их в шкафу по запаху, и говорила за столом, что так пахнет домом. Я резал хлеб и смотрел на запястье, которое выглядывало из слишком длинного рукава.

Рубашка была моей. Запах на ней был мой. А девочка внутри нее – нет. И именно это сводило с ума сильнее голой кожи в ту первую ночь. Она брала на себя мое пространство

так просто, как берут воздух, и не понимала, что для мужчины моих лет чужая невинность в его одежде – это уже близость.

Она находила меня в кабинете, входила без стука. Клала пальцы мне на запястье и считала пульс. Однажды попросила позволения потрогать мое лицо ладонями.

Я должен был отказать. Я разрешил. Я был слеп, а не она. Слеп ее красотой и невинностью. Она была для меня грехом, а я – опекуном этого греха.

Глава 3 Лука

Утро началось с шума у ворот. Я услышал машину раньше охраны и сразу понял: сегодня в дом войдет не гость.

В мой дом войдет человек, который считает Арианну своей будущей прибылью. Чезаре Морелли – родной брат ее отца – всегда вел себя так, словно все уже принадлежит ему. Мягкий голос, дорогой костюм, улыбка человека, который заранее делит чужое наследство.

Рядом с ним был молодой мужчина. Лет двадцать пять, светлый костюм, открытое лицо.

– Лука, приветствую тебя, – произнес Чезаре в холле. – Я привез племянника со стороны жены. Даниэле Ферри, хороший мальчик, чистое имя, приличные манеры и наследство. Как раз тот, кто мог бы присмотреть за Арианной иначе, чем ты.

Слово «иначе» он произнес аккуратно, но все поняли, к чему он клонит. Я смотрел на Даниэле и уже ненавидел в нем все: что он подходил ей по годам, голос без тяжести, улыбку, которую не нужно прятать, спину, на которой еще нет чужих долгов. Он кивнул мне почтительно, а глазами уже искал Арианну.

– Синьорина дома?

– Дома, – сказал я. – И останется дома. В моем доме.

Арианна спустилась сама, пальцы скользнули по перилам.

Голова чуть наклонилась к чужим голосам. Она узнала дядю сразу.

– Дядя Чезаре.

– Какая ты красавица, Арианна, – протянул он и шагнул ближе. – Можно представить тебе Даниэле? Он давно хотел познакомиться. Говорит, слепота – не препятствие для семьи. Говорит, с такой девушкой можно построить тихий, правильный дом.

Даниэле взял ее руку раньше, чем я успел перехватить движение. Коснулся пальцев коротко, вежливо, почти невинно.

В висках ударило так резко, что я услышал собственный пульс громче голосов. Два месяца я твердил себе: тебе сорок пять, ты опекун, ты не имеешь права. Теперь в мой дом привели мальчика ее возраста и назвали это заботой.

– Очень рад, синьорина Морелли, – сказал Даниэле мягко. – Если позволите, я мог бы иногда приезжать. Читать вслух, гулять с вами по саду. Вам, наверное, одиноко в таком большом доме.

Арианна не отняла руки сразу, только повернула лицо к нему, немного нахмурилась, так она складывала голос в человека.

– Мне не одиноко.

– Это потому что вы еще не знаете, каким бывает настоящее внимание, – улыбнулся Чезаре. – Даниэле – хорошая партия, Арианна. Молодой, сильный, без темного прошло-

го. Через несколько месяцев тебе понадобится не опекун, а мужчина рядом, лучше выбрать заранее, пока не налетели охотники за наследством.

Я стоял в двух шагах и держал руки в карманах, чтобы не сделать того, за что потом не извинишься.

Хорошая партия.

Молодой.

Понятливый.

Каждое слово било туда, где я уже сам себя судил. По их правилам они были правы. По моим – Даниэле не должен был даже дышать с ней одним воздухом.

– Кофе в столовой, – сказал я. – Прошу, но потом вы уедете.

За столом Даниэле говорил с Арианной осторожно, будто боялся спугнуть. Спрашивал, любит ли она море. Спрашивал, не страшно ли спускаться по лестнице ночью. Предлагал привезти книги для тех, кто станет читать ей вслух.

Арианна отвечала коротко, вежливо, но без тепла. Я видел, как его колено почти касалось края ее платья, и думал, что стол между ними держится только моим молчанием. Чезаре пил кофе и смотрел на меня поверх чашки.

– Ты не рад, Лука. А зря, девочке нужен кто-то своего круга, своих лет. Ты и сам понимаешь. Опека – это бумага. Жизнь – другое. Даниэле готов ждать до вступления в наследство. Даже готов подписать все, что скажешь. Лишь бы она не осталась в этом доме слишком долго.

– Этот дом ее защищает.

– Этот дом принадлежит тебе. Разница есть.

Арианна поставила чашку на блюде слишком громко.

– Вы говорите обо мне так, будто меня здесь нет.

– Мы заботимся, – мягко сказал Чезаре. – Твой отец хотел бы видеть тебя замужней и спокойной. Не гостьей у человека, о котором в Сицилии рассказывают недобрые сказки.

Я встал, стул отодвинулся резче, чем следовало.

– Визит окончен.

Чезаре улыбнулся, не споря. Даниэле снова взял ее руку на прощание, держал уже дольше. Наклонился и сказал почти ей в волосы:

– Я приеду снова. Если синьор Валенти позволит.

Я позволил им дойти до машины. На ступенях Чезаре остановился и бросил через плечо:

– Не ревнуй молодость, Лука. Ее все равно не купить охраной.

Дверь закрылась, в холле стало тихо так, что было слышно море. Арианна стояла у стола, пальцы на мраморе, лицо слишком спокойное.

– Он предлагал меня как вещь, – сказала она. – А ты молчал почти до конца.

– Я не молчал.

– Молчал там, где было нужно сказать: она не партия. Она моя.

– Не говори так, – я подошел ближе, чем положено опе-

куну.

– Почему? Потому что тебе сорок пять? Потому что у него мягкий голос и правильный возраст? Я слышала, как ты замолчал, когда он взял меня за руку. Слышала, как чашка чуть дрогнула у тебя на блюде. Ты ревновал. И сейчас ревнуешь. Даже к человеку, которого я не просила приезжать.

– Он подходит тебе по годам.

– Мне подходит твой голос, твой шаг, твой запах в этом доме. Остальное я не вижу и не хочу видеть.

Я схватил ее затылок ладонью и жадно поцеловал. Вышло глубоко, без той осторожности, которой хватало два месяца. Она ответила сразу, вцепилась в пиджак. Прижалась так, будто ждала этого с утра, с дядиного смеха, с чужой руки в своей.

Я прижал ее к столу, почувствовал тепло тела и понял, что еще мгновение – и хорошая партия сгорит вместе с остатками моего рассудка. Ее пальцы зарылись мне в волосы. Дыхание сбилось, поцелуй стал жестче. Я держал ее так, словно кто-то мог войти и снова назвать ее чужой невестой.

Оторвался, тяжело дыша. Арианна стояла у стола с влажными губами и с тем спокойствием, от которого мне хотелось одновременно уйти и остаться навсегда.

– Научи меня, – сказала она тихо. – Будь моим первым. Я хочу, чтобы это был ты. Не он. Не кто-то, кого мне подберут по возрасту. Ты. Хочу, чтобы ты научил меня всему. Голосом, руками. Тем, как ты сейчас молчишь после этого

поцелуя.

Я смотрел на нее и видел не подопечную. Видел женщину, которая ставит мне ультиматум своей слепотой и своей честностью.

Сорок пять лет.

Опека.

Мертвый отец.

Живой дядя с готовым женихом.

И она, которая просит меня стать ее первым так просто, будто не понимает, что после этого я уже не смогу притвориться стеной.

– Нет, – голос вышел чужим.

– Почему?

– Потому что, если я стану твоим первым, я уже не смогу быть твоим опекуном. А без опекуна тебя сожрут люди вроде Чезаре раньше, чем ты успеешь произнести мое имя.

Отступил на шаг, потом на второй. Руки еще помнили тепло ее затылка. Тело еще не поняло, что голова снова выбрала закон.

– Иди в свою комнату, Арианна.

– Лука...

– Нет.

Ушел в кабинет и закрыл дверь, сел за стол. Сжал подлокотник кресла до боли и слушал, как она стоит за дверью, достаточно долго, чтобы понять: сегодня я еще могу уйти. В голове оставался Даниэле с ее рукой в своей.

Оставался Чезаре с улыбкой человека, который уже примерял ее к чужому дому. Оставались ее слова: научи меня. Я повторял себе про возраст, как чужие читают молитву.

Сорок пять.

Восемнадцать.

Опекун.

Грех.

Сегодня я еще закрыл дверь. Завтра она снова скажет «будь моим первым». И уходить будет уже некуда.

Глава 4 Арианна

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.